

Хуацяо нунчан: обособленные поселения китайских реэмигрантов внутри Китая

П.Э. Струкова

Гуанчжоуский Институт Наньфан

В предлагаемом исследовании даётся описание и общий анализ административных единиц хуацяо нунчан – фермерских хозяйств китайских реэмигрантов на территории современного Китая. Данные поселения как один из вариантов администрирования эмигрантов были заселены в три этапа в 1950–1980-х гг. Изначально они имели вид сельскохозяйственных единиц, первыми жителями которых стали этнические китайцы, массово возвращавшиеся из Малайзии, Индонезии, Вьетнама и некоторых других стран в Китайскую Народную Республику. Автор ставит перед собой задачу восполнить пробелы в описании данного феномена, а также предпринимает попытку анализа логики создания и периодизации этапов заселения и реформирования данных административных единиц на территории Китая, структурируя и обобщая имеющуюся информацию. Особенность данной статьи состоит в привязке к историческому контексту, что позволяет понять специфику поселений данного типа. В результате анализа работ китайских экспертов выявлена главная причина выбора властями КНР данного формата организации переселенцев: это был способ быстрого решения проблемы голода и трудоустройства больших масс беженцев. Со временем в данном формате внутренней работы с эмигрантами обнаружилось много недостатков. Изначальная экономическая несостоятельность поселений, неблагоприятный социокультурный фон и отсутствие грамотного подхода в организации жизни переселенцев требовали постоянного реформирования. Постепенная трансформация части хозяйств хуацяо нунчан из убыточных госхозов в прибыльные сельскохозяйственные предприятия происходила за счёт децентрализации принятия решений, переориентации на локальные рынки, снятия социального напряжения, обучения кадров и интеграции замкнутых на себе поселений в экономику Китая. Иллюстративно приведены выдержки из воспоминаний самих переселенцев, в контексте представлена и краткая характеристика некоторых фермерских хозяйств хуацяо как способа администрирования и социализации вернувшихся на родину китайских эмигрантов. Кроме того, в статье даётся краткий анализ терминологии, связанной с данной темой.

Ключевые слова: Китай, хуацяо, миграционная политика, китайская диаспора, реэмиграция, менталитет, административное деление, экономические реформы

УДК: 94(51):325.254:631/632

Поступила в редакцию: 11.04.2023

Принята к публикации: 12.09.2023

Первые фермерские хозяйства ранее проживавших за рубежом хуацяо были созданы в 1950-е гг. руководством КНР в попытке организованного размещения и трудоустройства большого количества «возвращенцев». За всё время существования данной формы организации реэмигрантов на территориях семи провинций страны вели хозяйственную деятельность 84 фермерских хозяйства хуацяо; в последние годы часть из них была расформирована или переведена в другой административный статус¹. В настоящее время в статусе реэмигрантов в данных поселениях проживают около 240 тыс. чел. Больше всего хуацяо нунчан насчитывается в южно-китайских провинциях Гуандун и Фуцзянь, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР) – 23, 17 и 22 соответственно (Афонасьева 2015: 142–143).

Роли хуацяо в экономическом подъёме Китая в конце XX и начале XXI вв. посвящено множество исследований как в отечественном, так и в зарубежном востоковедении. Среди них можно отметить работы А.В. Афонасьевой, Я.О. Захарьева, С.В. Рязанцева, Е.С. Анохиной, Дудли Постона, Вон Цзюиня, Дэниэла Гудкинда, Чжу Хуэйлинь, Ван Минь и т. д. История и образ китайских эмигрантов хуацяо неизменно привлекают внимание исследователей, и феномен хуацяо нунчан не исключение.

Кроме того, процессы репатриации в том или ином виде актуальны во многих странах. Программы возвращения эмигрантов на родину имеют, к примеру, Израиль, Армения, Польша, Латвия, Германия, Казахстан, Киргизия и Россия. Для изучения опыта Китая по данному вопросу представляет интерес анализ общих методов работы с «возвращенцами» в 1950–1980-х гг. и в наше время. В этом контексте детального изучения заслуживают причины бурного развития некоторых фермерских хозяйств хуацяо, общие экономические последствия организации подобных поселений, а также социально-культурная составляющая хуацяо нунчан как одного из вариантов контроля репатриантов.

Методологически данная работа представляет собой продолжение междисциплинарного изучения процессов, причин и последствий миграции с точки зрения синтетической теории², рассматривающей миграцию в контексте не только экономических, но и социальных преобразований. В силу относительной свежести и актуальности данной теории, различные исследования в данном разрезе представляют особую ценность для научного сообщества.

¹ General information about overseas Chinese farms [中国华侨农场简介]. 2007. *Zhongguo qiaowang*. URL: <https://web.archive.org/web/20071207231431/http://www.hsm.com.cn/news/2005/0920/68/314.shtml> (accessed 15.12.2023) (in Chinese).

² Синтетическая теория миграции (Synthetic theory of migration) объясняет миграционные процессы на основе экономических, социологических, демографических и других подходов. Применяется для планирования миграционной политики и разработки программ, направленных на решение проблем, связанных с переселением.

Цель данной работы – представить описание такого формата организации жизненного пространства китайских реэмигрантов, как обособленные фермерские хозяйства *хуацяо* (ниже ФХХ), на основе изучения исследовательской литературы путём применения общенаучных методов анализа, сравнения и сопоставления.

Для достижения заявленной цели в тексте статьи даны краткий обзор терминологии по вопросу и описание исторического контекста создания рассматриваемых административных единиц. Кроме того, изучен контекст образования и процесс эволюции ФХХ как формата администрирования реэмигрантов. Приводятся положительные и отрицательные результаты политики КНР по вопросу размещения мигрантов на ФХХ. Нами использованы исторические документальные свидетельства, позволяющие сформировать общее представление о специфике функционирования фермерских хозяйств *хуацяо* с начала их формирования.

Научная новизна работы состоит в обобщении и систематизации накопленного научного опыта в области изучения китайской миграционной политики в рамках научной дискуссии по вопросам миграции.

Вопросы терминологии

В силу социально-исторических особенностей китайский термин *хуацяо нунчан*, как и ряд других терминов того исторического периода, не имеет в русском языке эквивалента, подходящего для ведения качественной научной дискуссии. Как пишет В.Ф. Щичко³, перевод подобной лексики с китайского языка может идти по так называемому «совмещённому способу», т. е. путём сочетания двух приёмов – транскрипции, или калькирования, и описательного перевода.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Афонасьева (2022: 151) в своей монографии переводит *хуацяо нунчан* (华侨农场), или сокращённо – *цяочан* (侨场), как «фермерские хозяйства *хуацяо*» или «ФХХ». Нельзя не отметить несколько деталей, влияющих на восприятие термина.

Во-первых, на сегодняшний день *хуацяо* (华侨) – это «постоянно проживающие за рубежом граждане КНР» (Афонасьева 2022: 16), включая держателей постоянного или долгосрочного вида на жительство (ВНЖ), прожившие в стране более 18 месяцев в течение двух лет или имеющие иной документ помимо ВНЖ и прожившие в стране более 30 месяцев в течение пяти лет; исключая китайских студентов и работников, выехавших за рубеж на длительный срок (Афонасьева 2022: 16–17). На момент же создания первого ФХХ (декабрь 1951 г.) под *хуацяо* понимали «всех китайцев за рубежом вне зависимости от граждан-

³ Щичко В.Ф. (2004) *Китайский язык. Теория и Практика Перевода*. Москва: Восток – Запад. 223 с.

ства» (Афонасьева 2022: 15). Об эволюции отношения к вопросам гражданства китайцев за рубежом, их юридических статусах и постепенной конкретизации термина *хуацяо* подробно пишет в своей монографии А.В. Афонасьева (2022).

Во-вторых, в публикациях на китайском языке в отношении поселившихся на таких фермах людей нередко используют термины *гуйцяо* (归侨), «вынужденные переселенцы, обладающие низкой квалификацией», *наньцяо* (难侨) – «китайские эмигранты, которые подверглись преследованию за границей», а также комплексный термин – *гуйнаньцяо* (归难侨). Между тем к 2007 г. менее 35% реэмигрантов на этих фермах имели статус беженцев⁴.

В-третьих, вторую часть термина *хуацяо нунчан*, т. е. *нунчан* (农场), часто переводят как «ферма», «фермерское хозяйство», «сельскохозяйственная станция» или «госхоз», однако к 2007 г. только 14% всей территории хозяйств занимали пашни⁵. Кроме того, фактически шесть из 84 госхозов были созданы в форме лесничеств, но для удобства все эти административные единицы в китайской литературе продолжают называть *хуацяо нунчан* (Ning 2018: 12).

В-четвёртых, в настоящее время идёт процесс реформации и реорганизации *хуацяо нунчан*, и строго говоря, многие из них уже не существуют под таким названием, однако для прослеживания их истории и отражения специфики в научном дискурсе, статистике, аналитике и на географических картах они фигурируют именно как *хуацяо нунчан* (Li Xiangyi 2017: 51).

Развёрнутое определение термина *хуацяо нунчан* (ФХХ) дают китайские исследователи Сюй Цзиньдин (Xu Jinding), профессор истории и магистр права, директор Исследовательского центра цяосян при Институте этнических китайцев Университета *хуацяо*, и Цзян Цзэхуа (Jiang Zehua), доктор экономики, профессор Института политики и государственного управления Университета *хуацяо*. Они определяют ФХХ как «государственные сельскохозяйственные станции, построенные для переселения [китайских – П.С.] беженцев и реэмигрантов, которые были вынуждены вернуться в страну» (2018: 27). Доцент института международных отношений университета Сунь Ятсена Ли Сянъи подчёркивает, что такие поселения – это «особые сообщества» со своей спецификой и особенностями функционирования (Li 2017: 51).

Историк Хэ Цзэцин определяет ФХХ как «местный низовой административный орган, который также является государственным учреждением, сельскохозяйственным предприятием или компанией» (2018: 37).

⁴ General information about overseas Chinese farms [中国华侨农场简介]. 2007. *Zhongguo qiaowang*. URL: <https://web.archive.org/web/20071207231431/http://www.hsm.com.cn/news/2005/0920/68/314.shtml> (accessed 15.12.2023) (in Chinese).

⁵ Там же.

В семитомнике «История сообществ китайских реэмигрантов в Китае» ФХХ определены как «производственные объединения с особенностями предприятия» или «имеющие деловую природу промышленные (хозяйственные) субъекты»⁶ (Dong 2017: 208).

А.В. Афонасьева называет ФХХ «фермерскими хозяйствами зарубежных китайцев» с изначально обособленной инфраструктурой, предназначенной в качестве адаптирующей площадки «для некоторой категории малоимущих и низкоквалифицированных реэмигрантов» в китайском обществе, а также имевших связь с зарубежной китайской диаспорой (Афонасьева 2015: 132; Афонасьева 2022: 163).

При обсуждении данной темы важно концептуально отделять ФХХ от *цяосян* (侨乡); к таким районам относятся, например, город Путянь провинции Чжэцзян. Заместитель директора Совета китайских эмигрантов, а также гражданин Гонконга, Макао и Тайваня при ВК НП КСК третьего созыва Цю Юаньпин определяет *цяосян* как «место плотного проживания китайцев, имевших опыт долгосрочного пребывания за рубежом» (Qiu 2018a: 4). А.В. Афонасьева (2015: 130) уточняет, что к характеристикам *цяосян* относятся «значительное количество хуацяо (выходцев из данной местности), реэмигрантов всех категорий и их родственников (не менее 10% от общего количества населения), проживающих или периодически находящихся на данной территории; тесные связи данной территории с заграницей; существенное влияние зарубежных китайцев на экономическое развитие данной территории»; специфические культурные черты. Так или иначе, очевидно, что *цяосян* имеют отличную от ФХХ организацию: у *цяосян* нет чётких границ и управляющей структуры, их не учитывают в качестве отдельных административных единиц в составе страны.

Обзор литературы по теме

Заявленная тема не относится в Китае к разряду табуированных или чувствительных, однако широкого обсуждения в китайском и международном научном сообществе не вызывает, что обуславливает специфику имеющейся литературы по вопросу организации и функционирования ФХХ.

В настоящее время наиболее полным доступным справочно-аналитическим материалом о ФХХ можно назвать изданный в 2017 г. семитомник «История сообществ китайских реэмигрантов в Китае» (2017); его главный составитель – Дун Чжунъюань (Dong Zhongyuan), политик, заместитель председателя и заместитель секретаря группы партийного руководства Всекитайской феде-

⁶ Кит. 是带有事业性质的企业单位

рации китайских эмигрантов. Это первый в Китае труд, который всесторонне описывает причины создания и историю развития всех 84 ФХХ, а также вклад данных административных образований в экономику страны.

Первый из семи томов посвящён общей информации о ФХХ. Следующие три тома подробно рассказывают об этих фермерских хозяйствах в провинциях Гуандун, Фуцзянь и в Гуанси-Чжуанском автономном районе. В отдельный том собрана информация о поселениях реэмигрантов в провинциях Юньнань, Хайнань, Цзянси и Цзилинь. Шестой том представляет собой сборник документов и материалов о государственных законах и постановлениях, касающихся организации и существования ФХХ, защиты прав и интересов проживающих в них *хуацяо*. Седьмой том включает многочисленные фотоматериалы о жизни в ФХХ в разные периоды их существования.

В широком доступе не сохранилось или вовсе не существовало официальных документов центрального правительства КНР, касающихся активного формирования и заселения ФХХ с 1955 по 1980 гг.; обнаруживаются лишь отдельные распоряжения местных властей. Такая ситуация может свидетельствовать о наличии более острых вопросов для центрального правительства в те годы, а также о том, что организацией ферм предполагалось решить вопрос поселения реэмигрантов «на скорую руку» доступными средствами, чтобы обеспечить первоочередные потребности прибывающих в страну людей.

В научной литературе последних лет особое внимание уделено экономическим трансформациям конкретных ФХХ, а также системам управления этими административными единицами в разные периоды их существования. Однако, как отмечает историк Ли Сяньи (Li 2017: 51), имеющиеся в широком доступе исследования в большинстве своём носят описательный характер и не раскрывают логику шагов, предпринятых для преодоления тех или иных трудностей. К тому же большинство работ в качестве отправной точки описания феномена ФХХ указывают 1985 г., когда накануне проведения масштабных реформ были собраны первые наиболее полные статистические данные об этих хозяйствах (Li 2017: 51). Данный подход представляется значительным упущением, потому как история ФХХ включает и основание первых поселений в 1950-х гг., и исторический контекст, затрагивающий более ранние периоды китайской истории.

Ли Сяньи подчёркивает, что многие материалы представляют собой формализованные отчёты о реализации планов в отношении ФХХ со стороны центрального правительства и могли быть «приукрашены». При этом в них совершенно не уделяется внимание обратной связи от населения после реализации конкретных мер. Крайне скромно освещён вопрос социальной структуры эмигрантских поселений тех времён, отношений между центральным и локальным правительствами (Li 2017: 51).

Обзор доступных источников показал, что в статьях китайских авторов активно приводятся примеры эволюции конкретных ФХХ, даны статистические данные по производственным достижениям, анализируются инструменты

и приводится хроника введения системы пенсионного страхования, улучшения условий труда, послабления налогового бремени, оценивается успешность реформирования управления этими особыми административными единицами. Кроме того, обсуждаются конкретные шаги реформ и приводятся доводы в пользу их необходимости.

Нами не обнаружено исследований или обзоров, касающихся, например, процессов застройки новых населённых пунктов ФХХ, вопросов психологической и лингвистической адаптации жителей ФХХ, сравнения юридического и социального статуса *хуацяо* в ФХХ и местных жителей. Между тем освещение подобных вопросов помогло бы полнее раскрыть изучаемый феномен.

Помимо упомянутых ранее исследователей, можно отметить нескольких авторов, чьи работы вошли в сборник научно-исследовательских статей, посвящённых устройству ФХХ, выпущенный Сямэньским университетом (Xu, Jiang 2018). Так, Чжан Илун, вице-президент Академии этнических китайцев при Университете Цзинань, член Национального совета Канцелярии по делам эмигрантов Госсовета КНР, проанализировал исторический фон и общую картину развития ФХХ. Лун Юньди (Long Yundi) на основе сохранившихся документов показала, какие именно меры принимало правительство провинции Гуандун во время третьей волны заселения ФХХ. Лань Цян (Lan Qiang), начальник Отдела пропаганды и агитации ГЧАР, на конкретных примерах разобрал процесс реформирования ФХХ. Ван Ини (Wang Yini), профессор-ассистент Университета искусств, по архивным материалам воссоздал картину действий и психологический портрет китайских репатриантов в ФХХ во время культурной революции. Сохранились и сборники воспоминаний переселенцев, интервью с ними в 2008–2013 гг.

Подавляющее большинство англоязычных исследований фокусируются на вопросах инвестиционной активности *хуацяо*, защите их прав и безопасности проживания за рубежом, а также обращены к культурным и лингвистическим особенностям взаимодействия китайских эмигрантов с внешним миром.

О социальном статусе представителей китайской иммиграции в странах пребывания пишет Юи Чим Ло (Yui 2022), делая акцент на причинах роста националистических настроений в обществе накануне антикитайских движений и массовой репатриации *хуацяо*. Непосредственное отношение к теме жизни в ФХХ имеют работы, посвящённые дискриминации беженцев внутри Китая (Wang, Huang 2020), затрагивающие различные аспекты современной миграционной политики Китая в целом.

Одной из ранних англоязычных работ о местах проживания *хуацяо* в Китае можно считать выпускную квалификационную магистерскую работу Глен Питерсон⁷. Позже на её основе была опубликована одноимённая научная статья

⁷ Peterson G. 1986. *The Overseas Chinese Areas of Rural Guangdong and Socialist Transformation, 1949–1956*. The University of British Columbia. 191 p. DOI: 10.14288/1.0097144

(Peterson 1988). В работе детально рассматриваются такие вопросы, как недостаток лояльности и общее замешательство населения ФХХ, хаотичность работы бюрократической машины в отношении переселенцев, в том числе и в ФХХ, а также отсутствие возможности должного исполнения на местах принятых решений, принятых вышестоящими инстанциями.

В отечественной китаистике о ФХХ и других формах работы с китайскими репатриантами подробно пишет А.В. Афонасьева (2015; 2020; 2022), фокусируясь на опыте экономического развития родных территорий проживания китайских эмигрантов, а также анализируя политику КНР в отношении китайской диаспоры в 1949–1976 гг. В монографии 2022 г. о диаспоральной политике КНР на основе обширного охвата документов А.В. Афонасьева представила подробный обзор реформ ФХХ начиная с 1985 г.

Тем не менее изучение опыта Китая в организации потоков реэмигрантов внутри страны, в частности, феномена обособленных фермерских хозяйств хуацяо (ФХХ) представляется недостаточно изученной темой, редко затрагиваемой в русскоязычной литературе.

Методы исследования

Данное исследование рассматривается в контексте теории факторов миграции Эверетта Ли (Everett Lee), которая широко используется в социологическом подходе теории миграции (Савоскул 2015). Согласно этой модели, миграция представляет собой «баланс притягивающих и выталкивающих факторов в пункте выбытия и пункте прибытия, выстраиваемый под влиянием вмешивающихся препятствий» и рационального, но субъективного мышления мигрантов (Василенко 2013: 39).

Факторы миграции на территориях выбытия и прибытия подразделяются на две большие группы: притягивающие (Pull factors) и выталкивающие (Push factors) (Савоскул 2015). Например, главным выталкивающим фактором в странах проживания хуацяо было преследование их по национальному признаку, а притягивающим в КНР – возможность спокойной жизни, реализация патриотических идей. В рамках данной теории применительно к настоящему исследованию отметим, что выталкивающие факторы для низкоквалифицированных работников, коими являлось подавляющее большинство жителей новообразованных ФХХ, «большее значение имеют негативные, выталкивающие факторы» (Абылкаликов, Винник 2012).

Согласно теории С.Н. Айзенштадта (Савоскул 2015), автор данной работы рассматривает реэмиграцию хуацяо как трёхфазный процесс. Структура изложения материала затрагивает: фазу формирования миграционной мотивации у некоторых зарубежных китайцев, ставших впоследствии жителями ФХХ; фазу непосредственно переезда на новое место жительства и заселения ФХХ; фазу вхождения «возвращенцев» в принимающее общество с тем или иным успехом.

Данная логика повествования отражена в разделах, посвящённых историческому контексту, предшествующему образованию ФХХ, этапам миграции и заселения новых административных единиц, постоянному реформированию ФХХ и культурным особенностям жизни в данных поселениях.

Период массового возвращения в Новый Китай зарубежных китайцев пришёлся на пятый и последний к настоящему времени «момент диаспоры», посредством которых Шелли Чань, профессор Университета Калифорнии, переосмысливает концепцию диаспоры и национального государства. Она помещает государство и понятие «родины» в глобальный контекст, представляя китайское общество изначально фрагментированным, доказывая «равнозначность ролей 'диаспоры' и 'родины' в конституировании истории современного Китая» (Сухомлинова 2022: 211). Понимание данного аспекта важно и для текущего исследования ФХХ как формата работы с китайскими «возвращенцами» на родине.

Ставя перед собой задачу обобщить и проанализировать максимальное количество доступных данных о ФХХ, в рамках данной работы мы изучили упомянутые выше научные исследования и материалы публицистического характера, преимущественно на китайском языке. Выбор источников обусловлен спецификой заявленной темы и происходит по принципу их общедоступности, авторитетности и непосредственной соотнесённости с предметом данного исследования.

В частности, для формулирования логики, контекста создания и особенностей развития в разные периоды времени ФХХ как административной единицы КНР рассмотрены различные документальные свидетельства, воспоминания очевидцев, а также научные изыскания экспертов. На основе собранного материала проведён синтез и сравнительный анализ информации, что позволило собрать разрозненные детали в общую картину истории существования ФХХ как специфического формата работы с китайскими реэмигрантами внутри страны.

Объём информации можно расширить в будущем за счёт целенаправленного интервьюирования жителей ФХХ, а также более глубокого изучения нормативно-правовой базы функционирования данных административных единиц КНР, начиная с момента основания первых таких поселений. Кроме того, интерес представляет анализ жизни в ФХХ в контексте поколенческой теории Х.Г. Дункана и миграционной теории М.М. Гордона.

Три этапа заселения новых административных единиц

Исторический контекст

Китай сталкивался с массовой реэмиграцией в разные периоды своей истории. К примеру, в конце правления династии Мин (1368–1644) из-за военных событий китайцы переселялись из соседнего Вьетнама на территорию, ныне занимаемую ГЧАР.

К моменту образования КНР в 1949 г. за рубежом проживали 10 млн китайцев (Wang 2021: 2), по большей части в Британской Малайе, Голландской Ост-Индии и Таиланде; по другим данным, эта цифра составляла 21 млн чел. (Yui 2022: 978). К концу 1940-х гг. проживавшие за пределами Китая китайцы стали позиционировать себя в качестве единой «китайской диаспоры», со временем и вовсе ставя себя выше «примитивных» местных жителей, пишет Юи Чим Ло (Yui 2022: 978–984). В конце 1950-х гг. из-за растущих антикитайских настроений диаспора стала всерьёз рассматривать возможность возвращения на родину (Афонасьева 2020: 26), где людям могли обеспечить базовые потребности приемлемыми на тот момент средствами (Zhang 2018: 35). Позже акцент правительства КНР в работе с репатриантами сместился с политических задач на преимущественно экономическое развитие, а далее – на достижение социальной гармонии (Li 2017: 58).

О резко возросших потоках мигрантов свидетельствуют и цифры: в 1950–1952 гг. три территории – провинция Гуандун, городской округ Шаньтоу и остров Хайнань – приняли 50 тыс. чел.; если в 1945–1952 гг. из Кореи на северо-восток Китая прибыло всего около 3 тыс. чел., то за один только 1953 г. – почти 30 тыс. чел. (Dong 2017: 11–15). Для координации масс беженцев правительство выбрало вариант коллективного поселения прибывающих семей в ФХХ.

Все официально упоминаемые на сегодняшний день 84 ФХХ были основаны в два подхода: строительная активность пришлась на 1950-е гг., а также на середину и конец 1970-х гг. Однако процесс заселения ФХХ принято разделять на три этапа, которые связаны с крупными волнами возвращения *хуацяо* на историческую родину после образования нового Китая. В своей работе эти этапы чётко выделяет исследователь Лун Юньди (Long 2018: 71–72): 1949–1959 гг., 1960-е гг. и период после 1970-х гг.

Первый этап: 1949–1959 гг.

За данный период в Китай вернулись около 300 тыс. *хуацяо* и членов их семей, большая часть которых ранее проживали в Малайзии или США. Это были преимущественно научные сотрудники, студенты и политические беженцы (Long 2018: 71–72). В июне 1948 г. Китайская республика приняла крупную группу малазийских беженцев *хуацяо* из Англии. Именно тогда была впервые использована процедура распределения и перемещения новоприбывших группами по стране (Zhang 2018: 35), в частности, реализовывался принцип «каждый возвращается в родные места и ориентируется на сельский труд» (Dong 2017: 21).

Первый ФХХ как отдельная административная единица был открыт в декабре 1951 г. и носил название «Госхоз комитета провинции Гуандун по размещению вернувшихся на родину беженцев-хуацяо» (сегодня известен как ФХХ Чжуцзян); поселение занимало площадь около 2 км² (Dong 2017: 26). За следующие пять лет в провинции Гуандун открылись ФХХ Синлун в городском

округе Ваньнин (о. Хайнань) и Ваньцинша в городском округе Дунгуань, ФХХ в уездах Луфэн, Индэ, Шэнхуа, а также два ФХХ в провинции Фуцзянь – Чаншань в уезде Юньсяо и Бэйкун в уезде Юнчунь.

В числе прочих исторических центров проживания хуацяо следует упомянуть город Цюаньчжоу провинции Фуцзянь. С 1949 г. сюда начали массово возвращаться *хуацяо* из Сингапура и Малайзии, к началу 1951 г. поток существенно увеличился, и для беженцев были созданы специальные общежития и приёмные пункты. В сентябре 1952 г. было создано Цзиньцзянское отделение Комитета провинции Фуцзянь по делам беженцев *хуацяо*, а уже через год по всему району были расселены 15 136 беженцев. При финансировании Комитета переселенцев приняли не только новые ФХХ, но и общежития небольших предприятий (Zhang 2010: 43).

В тот период в Китае активно шла Аграрная (или земельная) реформа⁸, на фоне которой главной целью ФХХ стало производство продовольствия для выживания жителей самих поселений (Ning 2018: 11). В августе 1955 г. правительство КНР разрешило переселенцам *хуацяо* использовать государственные угодья на льготных условиях (Peterson 1988), таким образом поощряя долгосрочные инвестиции. Данная мера оказалась особенно популярна на Хайнане, где в 1956 г. открылось 2 325 садов, большая часть из которых вошла в ФХХ (Dong 2017: 31–32).

Второй этап: 1960-е гг.

С 1960 г. по 1965 г. в Индонезии дважды происходили антикитайские волнения. На тот период пришлась вторая волна строительства ФХХ в южных провинциях с целью «освоения целины и залежных земель», обустройства чайных и фруктовых плантаций.

В 1960-е гг. в Китай для централизованного поселения въехало около 300 тыс. «возвращенцев», преимущественно из Индонезии – до 136 тыс. чел. Контингент был разнообразным, но поскольку студенты и бизнесмены в поселении, как правило, не нуждались, то в ФХХ отправлялись преимущественно трудовые мигранты, мелкие торговцы и крестьяне (Dong 2017: 66).

Вынужденные переселенцы прибывали из Малайзии, Индонезии, Мьянмы (Бирмы) и Индии через порты Гуанчжоу, Шаньтоу, Чжэньцзян, Хайкоу: обычно одновременно на трёх-четырёх кораблях, по 500 чел. на каждом, и за семь дней проходили процедуру распределения в ФХХ (Dong 2017: 65).

Группы реэмигрантов коллективно селили не только в ФХХ. К примеру, в 1960 г. в Цюаньчжоу из 8 583 вернувшихся на родину эмигрантов большинство были направлены в ФХХ Шуанъян и на фруктово-чайную фабрику Бэйкун

⁸ Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Overseas Chinese from Lingnan report to the country* [岭南侨彦报国志]. Chinese Literature and History Publishing House. (In Chinese).

в уезде Юнчунь – соответственно, 2 433 и 2 490 человек. 74 чел. были направлены в местные мастерские технического обслуживания автомобилей, 653 чел. – в ФХХ Сюэфэн в городском уезде Наньань, 417 чел. – на кирпичный завод и 332 чел. – в различные вузы. Ещё 1 143 чел. уехали в ФХХ Дунган г.о. Путянь (тогда район Пуцзян), а оставшиеся 1 041 чел. разъехались по домам самостоятельно и раздельно, потому как в распределении не нуждались (Zhang 2010: 43).

Другой пример: 13 апреля 1960 г. первая группа переселенцев из Индонезии – 231 семья, 1 125 чел. (583 мужчин, 542 женщин) – прибыла в ФХХ Луцзян в провинции Юньнань. Все они были расселены в три локации и распределены в пять производственных отрядов. Только 544 чел. из общего числа прибывших могли полноценно работать. Изначально людей селили семьями, но со временем они присоединялись к семьям дайцев, местной народности. Связано это было с недостатком жилых помещений, которые построили лишь к 1962 г. (He 2018: 32). Реэмигранты выращивали зерно, арахис, тростниковый сахар. Среди жителей данного ФХХ несколько человек впоследствии сохранили статус иностранных граждан – шесть индонезийцев и один вьетнамец (He 2018: 36–37).

2 февраля 1960 г. Государственный совет Китайской Народной Республики обнародовал «Инструкции по приёму и переселению китайцев, вернувшихся из-за границы» и постановил создать комитет, занимающийся распределением прибывающих. Большую помощь в координации работы оказывал созданный ранее Комитет по делам китайских эмигрантов Центрального народного правительства, активно поддерживавший связь с *хуацяо* за рубежом (Ning 2018: 12).

Третий этап: 1970-е гг. и последующий период

В середине 1970-х гг. волна антикитайских настроений поднялась во Вьетнаме, и поток мигрантов снова значительно увеличился: за несколько лет через территорию ГЧАР прошло более 222 тыс. вынужденных переселенцев, плюс ещё около 270 тыс. чел. – через провинцию Юньнань (Long 2018: 71–72). До переселения эти *хуацяо* занимались преимущественно растениеводством, поэтому правительство Китая приняло решение о создании новых ФХХ. Кроме того, было решено восстановить некоторые убыточные фермы, отдав все имеющиеся поселения под управление Канцелярии по делам китайских эмигрантов Госсовета КНР. В 1983 г. Севернее, в провинции Цзянси, организовали три ФХХ для корейских и монгольских *хуацяо* (Ning 2018: 12).

Свидетели вспоминают, что «в 1975 г. в г. Хошимин вьетнамцы забрали всех *хуацяо* на рыбацкие судна, а недвижимость и нажитое добро конфисковали. ... Родственники и соседи [китайского происхождения – П.С.] спешно уезжали в США, в Европу, в Шанхай. ... Это называлось *дождливые дни*, [в которые проявлялись – П.С.] антикитайские настроения, синофобия. ... [Впоследствии – П.С.]

семьи не могли воссоединиться по 20–30 лет»⁹. Данные настроения не могли не повлиять на социально-культурный фон и особенности восприятия реэмигрантов в самих ФХХ и за их пределами (подробнее см. ниже).

Итак, за первый и второй этапы централизованного расселения реэмигрантов под руководством локальных отделений Комитета по делам китайских эмигрантов Центрального народного правительства в общей сложности было основано 41 ФХХ. В 1967 г. эти отделения расформировали, и поселения реэмигрантов перешли под непосредственный контроль местных властей, а затем – под контроль центрального правительства (Ning 2018: 12).

Всего в третьей волне было открыто 45 ФХХ, что в сумме составляет 86 поселений (Ning 2018: 12). Два ФХХ недалеко от города Гуанчжоу просуществовали всего около двух лет, и обычно о них в литературе не упоминают, оставляя цифру 84.

Рисунок 1. Все 84 фермерские хозяйства хуацяо на современной карте Китая
Figure 1. All 84 Huaqiao farms on a modern map of China

⁹ Ibid.

Учитывая специфичный контекст и формат создания данных поселений, концепция ферм *хуацяо* в последующем неоднократно подвергалась различным модификациям. В 2018 г. 79 из 84 ФХХ находились под управлением местной власти. К примеру, из 23 ферм реэмигрантов в провинции Гуандун 11 имеют статус административных районов *хуацяо* под управлением городского округа, одно поселение приравнено к поселковому уровню, одно позиционирует себя как «корпорация». Из 22 поселений *хуацяо* в ГЧАР 17 представляют собой «зоны инвестиций *хуацяо*» (Афонасьева 2022: 154) или находятся под непосредственным управлением компаний (брендов). В провинции Юньнань все фермы реэмигрантов входят в состав более крупных объектов и зависимы от них. В провинции Фуцзянь, кроме одного ФХХ, все – местного или уездного управления. На острове Хайнань четыре ФХХ из пяти находятся под управлением провинциальной Канцелярии по делам эмигрантов, и ещё один – под управлением местных властей. В провинции Цзянси все три поселения управляются местными властями (Jia 2018: 104).

Почти все ФХХ (за исключением ФХХ Фуцун в провинции Цзилинь) расположены в Южном Китае (см. рис. 1). Представляется, что концентрация ФХХ на юге страны обусловлена несколькими причинами:

- во-первых, подавляющее большинство, т. е. около 90% из 35 млн *хуацяо* в 154 странах мира – выходцы из южных приморских провинций Гуандун и Фуцзянь (Афонасьева 2020: 34–35), а только в Гуандуне проживают около 49% всех потомков «возвращенцев» *хуацяо* по всему материковому Китаю (Yi Qing 2013), и именно поэтому под «возвращением на родину» *хуацяо* зачастую подразумевается возвращение в Южный Китай;
- во-вторых, на севере массовое возвращение *хуацяо* произошло в то время, когда уже не требовалось компактное поселение для выживания, и приезжие свободно трудоустроились, разъехавшись по стране;
- в-третьих, климатические особенности юга дают возможность быстрого и дешёвого строительства жилья, высокой урожайности угодий, а также относительно лёгкой акклиматизации переселенцев из жарких регионов ЮВА.

Реформирование ФХХ и их роль в экономике Китая

За период своего существования ФХХ претерпели множество трансформаций.

Как продукт своего времени ФХХ имеют характерные особенности в социально-культурном, политическом и экономическом аспектах. В силу специфики самой концепции централизованного поселения на периферии, данные административные единицы неоднократно подвергались реформированию, однако, несмотря на многочисленные экономические провалы, так и не были упразднены и сохранили некоторую обособленность. В данной главе рассматриваются условия и примеры экономического функционирования ФХХ в периоды: до 1985 г., 1985–2007 гг., после 2007 г.

До 1985 г.

Чжан Цзингъин, доктор философии и сотрудница Университета хуацяо в КНР и Университета Сан-Диего в США, определяет формат ФХХ как «государственное аграрное предприятие» (Zhang 2010: 43), что указывает на непосредственное участие государства в работе ФХХ, а также на сельскохозяйственную ориентацию, по крайней мере, на начальном этапе их существования. В основном мы располагаем воспоминаниями очевидцев, которые подробнее раскрывают культурный, но не экономический аспект жизни в ФХХ до 1985 г. О судьбе ФХХ в период «культурной революции» (1966–1976) сведений крайне мало.

Лян Хуэйжун (Liang 2006) из отдела, занимающегося вопросами ФХХ при Комитета по делам хуацяо провинции Гуандун (广东省侨办农场处), пишет, что реэмигранты приезжали в ФХХ «с надеждой на светлое будущее» и готовы были работать на износ. Однако в рамках плановой экономической системы из-за «уравниловки» энтузиазм значительно снизился, вследствие чего производство застопорилось, а огромное количество семей были вынуждены жить в тяжёлых условиях из-за крайне низкого дохода.

Изначально ФХХ были нацелены на сельское хозяйство и самообеспечение продовольствием, а в 1965–1979 гг. упор был сделан на развитие лубяных культур и бананов, промыслов и ведение нескольких видов деятельности (He 2018: 84). В конце 1970-х и в начале 1980-х гг. прослеживалась ориентация на производство тростникового сахара, животноводство и выращивание субтропических фруктов (He 2018: 85).

В период с февраля 1960 г. по январь 1999 г. общий объём инвестиций в один лишь ФХХ Умин (ГЧАР) составил 103,56 млн юаней, из них 61,28 млн юаней – иностранные вложения (Lan 2018: 83). Однако даже с учётом активных инвестиций хуацяо и господдержки фермы реэмигрантов оставались тяжёлым финансовым бременем для правительств южных провинций КНР и для страны в целом. Так, на 1984 г. 62 фермы из 84-х были убыточными (Li 2017: 51).

Слишком долго полагавшиеся на помощь государства небольшие хозяйства не только не могли выдержать конкуренции, но даже не обеспечивали сами себя. Основанные без учёта локальной специфики, эти искусственные административные новообразования возникали на неплодородных, непригодных для длительного проживания землях. Кроме того, централизованное управление не отличалось гибкостью и быстротой принятия решений, не учитывало местные условия жизни, потребности и возможности людей. Игнорирование прав и свобод прибывших из-за рубежа граждан также сыграло роль в обнищании большинства ФХХ к началу проведения политики реформ и открытости, и привело к отказу от долгосрочного планирования, а также усилению негативных настроений среди жителей этих поселений (Zhang 2010: 43).

1985–2007 гг.

Чтобы реформировать отсталую экономическую систему и в том числе диверсифицировать подходы к организации работы в ФХХ, в 1985 г. ЦК КПК и Госсовет издали «Решение о реформе экономической системы государственных фермерских хозяйств *хуацяо*», нацеленное на модернизацию и либерализацию ФХХ. Управление с централизованного и ориентированного на сельское хозяйство было изменено на децентрализованное и ориентированное на предоставление услуг различным производствам. Появился и термин «семейное хозяйство», из которых теперь состояли ФХХ (Liang 2006). Таким образом, ФХХ дробились для более гибкого принятия решений и переориентации на локальные потребности.

В 1985 г. в китайских коллективных хозяйствах в целом начался переход от плановой экономики к рыночной. В ФХХ также ожидалось социально-экономические трансформации, которые способствовали бы большей интеграции *хуацяо* в общество. В поселениях были собственные школы, медпункты, кинотеатры, имелся свой автопарк, зачастую собственный язык и обычаи, численность населения увеличивалась, однако весь жизненный цикл проходил внутри ФХХ, делая интеграцию в широкий рынок труда или услуг маловероятной и нагружая социальную сферу (Афонасьева 2022; Xu, Jiang 2018: 98).

В этих условиях с 1985 по 2007 гг. были приняты документы, регулировавшие управление, налогообложение, пошагово описывавшие процессы следующей волны реформ (Xu, Jiang 2018: 99). С 1985 г. обсуждалось внедрение «семейных подрядов», освобождение от налогов, а также использование локальных кадров в ФХХ, в частности, об этом заявлял бывший на тот момент генеральным секретарём ЦК КПК Ху Яобан (Ning 2018: 12–13). В дальнейшем признанные убыточными хозяйства действительно могли рассчитывать на отсрочку от уплаты налогов, просить о снижении или возврате необходимых платежей, а в некоторых случаях и вовсе быть освобождены от уплаты ряда налогов¹⁰.

Перемены выразились, прежде всего, в усилении руководящего состава на местах за счёт поддержки профессионального роста местных кадров (Jia 2018: 105). Кроме того, были разграничены функции административных органов и предприятий, снижена общественная нагрузка на предприятия. Началось выстраивание системы социального планирования (пенсии, страхование), что благоприятно сказалось на общем климате ФХХ (Jia 2018: 106).

¹⁰ Notice of the General Office of the People's Government of Guangdong Province on Tax Reduction and Exemption for Agricultural Reclamation Farms, Overseas Chinese Farms, and State-owned Forest Farms. Yue Fu Ban [1992] No. 27 [广东省人民政府办公厅关于农垦农场、华侨农场、国营林场税费减免问题的通知. 粤府办〔1992〕27号]. 1992. People's Government of Guangdong Province. URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/gongbao/1992/3/content/post_3356316.html (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

Эти и другие меры были развёрнуты за счёт масштабных инвестиций, в том числе и зарубежных (Jia 2018: 107). А.В. Афонасьева приводит некоторые показательные примеры: «... в 2000 г. валовая стоимость продукции 23 фермерских хозяйств в Гуандуне составила 7,66 млрд юаней, накопленный объём инвестиций – 2,546 млрд юаней, приток иностранной валюты – 177 млн долл. (на 95% выше, чем в 1995 г.), объём уплаченных налогов – 201 млн юаней (на 97% выше, чем в 1995 г.)» (Афонасьева 2015: 142–143). С начала 2000-х гг. ФХХ постепенно не только вписались в общее развитие страны, но даже стали «точками роста местной экономики» (Афонасьева 2022: 154).

Несмотря на проведённые реформы, к середине 2000-х гг. в экосистемах ФХХ имелись серьёзные недостатки, о которых подробно пишет Лян Хуэйжун (Liang 2006):

1. «семейные хозяйства», из которых состояли ФХХ, имели небольшие размеры и не могли удовлетворить запросы динамично растущего рынка;
2. сельскохозяйственное производство было неэффективным ввиду отсутствия опытного руководства и низкого уровня образования местных жителей;
3. устаревшие объекты водного хозяйства и неразвитая инфраструктура затрудняли процессы производства и логистики, снижая конкурентоспособность «семейных ферм», а значит, и ФХХ в целом;
4. *хуацяо* и их потомки не были заинтересованы в долгосрочных инвестициях в землю, находящуюся в коллективном пользовании без права наследования.

Для исправления ситуации Лян Хуэйжун полагал целесообразным принять следующие шаги:

1. внедрение модели развития по типу крупных предприятий, а также выполнение заказов по контракту;
2. «привлечение средств от различных сторон» для улучшения местных объектов водного хозяйства и инфраструктуры;
3. проведение профильного целевого обучения кадров разных уровней в зависимости от специализации ФХХ;
4. увеличение финансовой поддержки фондов и государства с целью внедрения инноваций.

После 2007 г.

Новый этап развития ФХХ начался в 2007 г., когда было проведено масштабное реформирование ФХХ в формате «три слияния», предполагающего «структурную интеграцию территорий, административную интеграцию общества и экономическую интеграцию рынка» (Qiu 2018b: 1); иными словами, речь шла о том, что «форма сливается с местом, управление – с обществом, экономика – с рынком» (Афонасьева 2022: 157).

Если ранее ФХХ зачастую были изолированы от внешнего мира, то теперь ими управляли местные органы власти. Фермы вошли в состав экономических зон или были преобразованы в отдельные предприятия, активно выходили

на рынок. Жизнь ФХХ наладилась, в числе прочего, благодаря притоку новых кадров, децентрализации принятия решений и распределению ответственности (Qiu 2018b: 2).

Изменилась специализация ФХХ, которые переключились с сельскохозяйственного производства на оказание услуг. В госхозах ввели повсеместную пенсию и медицинскую страховку, в том числе трудовую, наладили имущественные права, провели урбанизацию, модернизацию, индустриализацию (Афонасьева 2022: 156–157).

Удачным представляется опыт провинции Гуандун. До 2012 г. власти провинции выплатили почти 30 млн юаней в качестве субсидий местным беднякам, около 30 тыс. нуждающихся эмигрантов получили адресную поддержку, за счёт государства и инвесторов было построено жильё для 1002 семей особо бедных (малоимущих) репатриантов (Yi 2013)¹¹. В 2012 г. общая стоимость промышленного производства ФХХ этой провинции превысила 120 млрд юаней, увеличившись в 1,7 раза по сравнению с 2008 г.; ВВП на душу населения в местных ФХХ достиг 50 тыс. юаней – рост в 1,5 раза по сравнению с 2008 г.; чистый доход на душу населения достиг 11 066 юаней, поднявшись на 85% по сравнению с 2008 г., что выше аналогичного показателя других сельских районов провинции. Ключевую роль в этом успехе сыграло развитие инфраструктуры, куда за период 2012–2015 гг. было вложено 30 млн юаней (Yi 2013).

В начале 2010-х гг. применительно к ФХХ стала применяться концепция «развития в трансформации» (Li 2017), которая заключается в комплексной консолидации земель, перераспределении сельского и городского землепользования, перепрофилировании ФХХ и пространственной реконструкции (Sun, Liu, Ge и др. 2022: 25).

Для поддержки экономического роста ФХХ в 2011–2013 гг. были вложены средства в возделывание земли, улучшение инфраструктуры и дорог, формирование производственной цепочки, поддержание состояния окружающей среды. Благодаря предпринятым шагам, 2014 г. ВВП ФХХ по всей стране составил 119,65 млрд юаней, что в 4 раза больше, чем в 2006 г. Из них на сектора промышленности и строительства пришлось 95,23 млрд юаней, т. е. 80%. Средний годовой доход работника составил 22 317 юаней, приблизившись к усреднённому показателю по стране (Qiu 2018b: 3)¹².

¹¹ В источнике используются термины 贫, 贫困归侨 и 特困户, которые можно перевести как «бедняки», «нуждающиеся эмигранты» и «малоимущие семьи». Уточнений по критериям отнесения к той или иной группе не представлено.

¹² Из-за специфики исследуемой темы статистические данные такого плана в Китае недоступны широкому кругу лиц, поэтому здесь и далее автор ссылается на печатные материалы, составленные китайскими специалистами, имеющими доступ к информации по исследуемому вопросу. Отметим, что узкоспециализированные печатные сборники отчётов, публикуемые ведущими вузами страны, профильными издательствами, и редко распространяемые на широкую аудиторию, имеют в китайской научной дискуссии существенно больший вес, чем, например, общая информация различных комиссий и бюро.

В настоящее время развитие ФХХ идёт в соответствии с четырьмя основными принципами построения среднезажиточного общества: инновации, согласованное развитие, зелёные технологии, открытость. А.В. Афонасьева отмечает, что сегодня «основной продукцией фермерских хозяйств *хуацяо* является сахар, чай, фрукты, молоко – всё это продукты высшего качества, удостоенные наград в КНР и за рубежом» (Афонасьева 2015: 142–143).

На сегодняшний день действует опубликованный 7 сентября 1990 г. «Закон КНР о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов, реэмигрантов и этнических китайцев с иностранным гражданством» (последние правки от 2009 г.). В Статьях 5 и 9 Закона зафиксированы обязательства государства обеспечить вернувшимся из-за рубежа китайцам поселение, поддерживать госхозы и лесхозы *хуацяо* (ФХХ), при необходимости открывать там школы, медицинские учреждения, предоставлять персонал, выделять оборудование и финансовую помощь. При этом «если раньше... [осуществлять всё вышеперечисленное – П.С.] имели право непосредственно сами эти хозяйства и фирмы, то с 2000 г. это право фактически перешло к территориальным органам власти в местах нахождения этих хозяйств и фирм» (Афонасьева 2022: 148).

Китайские исследователи отмечают, что для дальнейшего экономического прогресса ФХХ необходимы: точная локализация субъекта реформ и действия, соблюдение прав и интересов местных жителей, дальнейшая децентрализация управления, фокусирование на всём пакете поддерживающих мер с учётом главного направления развития, а также реализация системы внутренних поощрений и точечной поддержки активности на местах (Yang, Fu, Zheng et al. 2018: 121–122).

Культурные особенности и жизненный уклад в ФХХ

В первую очередь размещение на периферии, а во вторую – отсутствие возможности самостоятельного выбора места проживания, не могли не сказаться на особенностях жизни в ФХХ (Zhang 2018: 33). Изначально подразумевалось, что коллективное поселение облегчит новоприбывшим процесс социализации в новом культурном фоне (Peterson 1988) и даст необходимый психологический комфорт от общения с людьми похожей судьбы (Dong 2017: 200). Немаловажную роль играла и возможность централизованного контроля, а также обеспечение занятости реэмигрантов.

Как уже неоднократно было отмечено, большинство жителей новообразованных ФХХ составляли трудовые мигранты, крестьяне с большим количеством пожилых и немощных родственников при небольшой доле представителей интеллигенции. Например, среди вернувшихся из Вьетнама китайцев 99% происходили из сельских общин южных уездов Монг Кай и Хай Фонг, 70% были иммигрантами в четвёртом, пятом и шестом поколении (Kong 2012: 42–43).

Ван Цзюньхун, родившийся в 1926 г. в Бирме, вспоминает, что из района Саньюаньли города Гуанчжоу разом коллективно переселили в местный ФХХ более тысячи реэмигрантов, «потому что там была работа и еда, так сказали», «вшестером мы переехали в *нунчан*, а там были плохие условия жизни, антисанитария... Там прожили 10 лет, из которых четыре года я был учителем в средней школе. Зарплата была низкая, плюс высчитывали за плохую работу, так как постоянно болели и уже были немолоды... На новых местах ничего не было, приходилось всё начинать с нуля. Через три года вместо одной бригады уже работало 10 бригад. Отказаться и уехать было невозможно, потому что тогда тебя сразу объявляли врагом народа»¹³.

Другой эмигрант, Ли Либао, рассказывает о жизни в самом первом ФХХ, куда сразу распределили более 1100 переселенцев: «[Поначалу] жили в основном в зданиях, построенных в 60–70 годах прошлого [XIX] века, [большими семьями] в 30–40 м².

Во многих [зданиях] не было отдельной кухни и туалета, зимой завывал ветер так, что было страшно открыть окна и двери, весной и летом в сезон дождей черепичные крыши протекали, ночью было не до спокойного сна, на полу и на кроватях ставили тазики. Что уж говорить о крысах и тараканах»¹⁴.

В этих бытовых условиях жители часто болели, в некоторых районах случались эпидемии малярии и других болезней (He 2018: 200). «Мы летели на самолёте, чтобы стать колхозниками!»¹⁵ – так иллюстрируют обманутые надежды китайские эмигранты, готовившиеся возрождать страну индустриально, культурно, образовательно, но едва ли посредством тяжёлого труда и лишений.

Несмотря на описанные трудности, в качестве важных особенностей культурного сосуществования местных и приезжих китайцев исследователь выделяет: уважение к культуре местных жителей; сохранение статуса «района проживания *хуацяо*» в названии ФХХ; сохранение исторических названий, топонимов данного района; создание положительного образа переселенцев (He 2018: 26).

Местные жители по-разному относились к работникам ФХХ и их семьям. Нередко реэмигрантов воспринимали как «ненужных людей», всячески подчёркивая инаковость, могли назвать «иностранщиной» или «терпилами»¹⁶. С другой стороны, их жалели (Wang 2018: 94). Были случаи дискриминации реэмигрантов за «контакты с капиталистическим миром» (Wang, Huang 2020: 165).

¹³ Ibid.

¹⁴ Lang G., Jin Q. (ed.). 2013. *Discovering hometowns of overseas Chinese: a cultural survey of hometowns of overseas Chinese in Guangdong* [发现侨乡：广东侨乡文化调查]. Guangdong People's Publishing House (In Chinese).

¹⁵ Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Overseas Chinese from Lingnan report to the country* [岭南侨彦报国志]. Chinese Literature and History Publishing House (In Chinese).

¹⁶ Данные наблюдения дополнительно иллюстрирует патриотическая музыкальная драма «Заморские дети» (Кит. 海外赤子. Реж. Оу Фань 欧凡 и Син Цзитайнь 邢吉田, 1979).

Из-за недоброжелательного отношения со стороны бывших и новых соотечественников (Kong 2012: 42–43) вернувшиеся на родину *хуацяо* не воспринимали территории ФХХ как «семейную обитель» и не хотели трудиться на государственных фермах. Они находили возможности эффективной коммуникации с соседями, но старались сохранить свою идентичность, тем более что и внутренняя политика руководства страны не способствовала ассимиляции (Wang 2018: 96–97). В то же время, они получали ряд преференций и выгод от государства (Kong 2012: 42–43), которое считает важным преимуществом *хуацяо* наличие сети полезных контактов за рубежом (Афонасьева 2022: 155; Ning Huoyi 2018: 12).

Суммируя, можно заключить, что на начальном и среднем этапе существования ФХХ такие положительные моменты, как знакомое окружение, готовность к переменам, понимание со стороны местных жителей, а также государственная поддержка ФХХ зачастую перекрывались неблагоприятными бытовыми условиями, чувством отстранённости, низким доходом и отсутствием мобильности жителей, недостатком гибкости в управлении на местах.

Примеры современных ФХХ

Сегодня некоторые из территорий, относящихся к ФХХ, отличаются от обычных районов в китайских пригородах лишь тем, что их жители говорят на местных диалектах. До 2000-х гг. ФХХ занимались преимущественно выращиванием сахарного тростника, чая и иных сельскохозяйственных культур, в настоящее время их деятельность разнообразна: *хуацяо* открывают в местах своего проживания фабрики по производству яхт, развлекательные центры и технопарки¹⁷, по масштабам сходные с государственными предприятиями аналогичной специализации. Рассмотрим несколько примеров современных ФХХ, эволюционировавших в разных сферах.

Сельскохозяйственные предприятия

Изначально образованный в 1952 г. на базе ФХХ административный округ Чжуцзян сегодня носит название ул. Чжуцзян и находится под юрисдикцией района Наньша г. Гуанчжоу. Площадь его составляет 41,5 км², он состоит из восьми сёл. К 2007 г. объём производства достигал 1,44 млрд юаней¹⁸, а к 2021 г. в юрисдикции ул. Чжуцзян находилось более 600 предприятий с объёмом крупной промышленности в 20,3 млрд юаней¹⁹.

¹⁷ Струкова П.Э. 2020. Общины китайских реэмигрантов внутри Китая. *Magazeta*. URL: <https://magazeta.com/hua-qiao-nongchang> (accessed 15.12.2023).

¹⁸ The last overseas Chinese farm in Guangzhou opened the street: Zhujiang street office was officially registered [广州最后一个华侨农场设街: 珠江街道办正式挂牌]. 2008. *Nanfang ribao*. URL: <https://www.chinaqw.com/zgqj/qjdt/200810/31/135801.shtml> (In Chinese).

¹⁹ Regional overview [区域概况]. 2021. *People's Government of Nansha District, Guangzhou*. URL: <http://www.gzns.gov.cn/gzjg/gzj/zjj/qygk/> (accessed 23.04.2023) (In Chinese).

Село Шиваншань народности яо в районе Фанчэн ГЧАР, долгое время функционировавшее как ФХХ, 19 марта 2013 г. было официально переименовано в лесничество²⁰. Аналогичная трансформация произошла с ФХХ в уезде Чжанпу провинции Фуцзянь, ставшем Чайно-фруктовой фермой Наньшань. Была ФХХ и в г. Манши провинции Юньнань, но в 2009 г. её упразднили.

Туризм

«Городок китайских эмигрантов», занимающий территорию 5 км², расположен на берегу залива Шэньчжэнь в районе Наньшань. Это курортный район, который находится под управлением компании Overseas Chinese Town Group²¹.

Поселение реэмигрантов на острове Хайнань в районе Синлун расположено на юго-западе г. Ваньнин. На момент основания в 1951 г. здесь проживало 13 482 беженца из 21 страны и региона, включая Малайзию, Индонезию, Таиланд, Вьетнам²². К 1955 г. численность жителей ФХХ выросла до 10 тыс. чел., занимавшихся выращиванием кофе, перца и фруктов. С 1960 г. здесь начали выращивать каучуковые деревья²³. В настоящее время муниципальное правительство развивает ФХХ как туристическую экономическую зону.

Зоны промышленного развития

Зона высокотехнологичного промышленного развития Чжаоцин относится к г. Чжаоцин провинции Гуандун. Сельскохозяйственное использование земель началось здесь в 1958 г., а позже территорию обозначили как ФХХ: в 1976 г. сюда массово приезжали китайские беженцы из Вьетнама. Сейчас здесь построены индустриальные парки Саньжун и Даван.

Выполнявшие ранее роль «буферных зон» для малоимущих реэмигрантов (Афонасьева 2022: 163), в наши дни ФХХ рассматриваются правительством КНР как особые площадки для развития экономики, где взаимодействуют хуацяо и местные жители. Поскольку уровень жизни в большинстве ФХХ остаётся невысоким, региональные власти продолжают искать актуальные форматы развития и пути реформирования поселений.

²⁰ Yao Township, Shiwanshan Mountain, Fangcheng District, Fangchenggang City, Guangxi [广西防城港市防城区十万山瑶族乡]. 2022. *Boya diming wang*. URL: http://www.tcmmap.com.cn/guangxi/fangchengqu_shiwanshanyaozuxiang.html (accessed 23.04.2023) (In Chinese).

²¹ Chinese immigrant town in Shenzhen [深圳华侨城]. 2021. *Baidu baike*. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B7%B1%E5%9C%B3%E5%8D%8E%E4%BE%A8%E5%9F%8E/1926055> (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

²² Guide to overseas Chinese farm Xinglong [兴隆华侨农场景区指南]. 2022. *Nan bei you*. URL: <http://www.nanbeiyou.com/scenery/122152> (accessed 15.12.2023) (In Chinese).

²³ Lin M., Lin X. (ed.). 2008. *Coconut wind, banana rain speak of overseas Chinese love: oral records of Chinese refugees returning to Hainan* [椰风蕉雨话侨情: 海南归侨口述录]. Chinese Literature and History Publishing House (In Chinese).

Заключение

Главной причиной возникновения на территории Китая ФХХ была острая потребность в обеспечении продовольствием, работой и жильём больших масс людей, возвращавшихся в страну после 1949 г. Позже правительство Китая стало задействовать новоприбывшую рабочую силу в развитии сельского хозяйства и освоении территории страны. Затем на первый план вышли социализация реэмигрантов и достижение социальной гармонии в ФХХ.

Основанные в три этапа фермерские хозяйства *хуацяо* в силу своей обособленности и специфики неоднократно подвергались реформированию в административном и экономическом планах. Это выражалось в ослаблении централизованного контроля, улучшении условий труда, значительных инвестициях в инфраструктуру, повышении качества жизни переселенцев, дроблении фермерских хозяйств на «семейные» и расширении сферы их деятельности для выхода на широкий рынок. Реформирование данных хозяйств продолжается.

На сегодняшний день изучение работы с реэмигрантами на примере Китая представляет интерес не только для китаистов, но также для экспертов различных правительственных организаций, рассматривающих специфику коллективного поселения мигрантов. Данная статья вносит вклад в систематизацию накопленного научного опыта по вопросам миграции, а результаты проведённого исследования важны для поддержания научной дискуссии в данной сфере.

Важным направлением будущих исследований видится тема социальной адаптации «возвращенцев» к условиям жизни на новом месте и в новом окружении, изучение средств интеграции в китайское общество при сохранении культурной самобытности таких обществ.

Об авторе:

Полина Эдуардовна Струкова – PhD, доцент кафедры иностранных языков Гуанчжоуского Института Наньфан. 510900, КНР, г. Гуанчжоу, р-н Цунхуа, ул. Вэньцюань дадао, д. 882.
E-mail: st-polina@yandex.ru, pstrukova@nfu.edu.cn

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(51):325.254:631/632
Received: April 11, 2023
Accepted: September 12, 2023

Huaqiao Nongchang: Isolated Settlements of Overseas Chinese Inside China

P.E. Strukova
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-223-249](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-223-249)

Guangzhou Nanfang College

Abstract: This study offers a comprehensive exploration and analysis of "*huaqiao nongchang*," commonly known as overseas Chinese farms, situated within contemporary China's territorial boundaries. These administrative units, established in the 1950s-1980s, served as an intriguing aspect of emigrant administration and were established in three distinct phases. Initially, they functioned as agricultural entities, predominantly inhabited by ethnic Chinese returning en masse from countries such as Malaysia, Indonesia, Vietnam, and others to the newly-formed People's Republic of China in 1949.

The author's primary objective is to fill gaps in our understanding of this phenomenon and to dissect the logic behind the stages of their creation, settlement, and subsequent reforms within China. This article excels in its contextualization within the historical framework, shedding light on the unique characteristics of these settlements. A comprehensive analysis of works by Chinese experts uncovers a significant reason for the PRC authorities' adoption of this approach: it provided a swift solution to hunger-related issues and the employment of vast refugee populations.

As time progressed, drawbacks in this approach to managing emigrants became apparent. The initial economic struggles of these settlements, coupled with unfavorable socio-cultural environments and a lack of effective organizational strategies for settlers, necessitated ongoing reforms. The transformation of certain "*huaqiao nongchang*" units from unproductive state farms into profitable agricultural enterprises occurred due to various factors, including decentralization of decision-making, redirection toward local markets, alleviation of social tensions, workforce training, and their integration into the broader Chinese economy.

This article supplements its analysis with excerpts from settlers' memoirs, offering firsthand insights into the lives and experiences of overseas Chinese emigrants returning to their homeland. Additionally, it provides a concise examination of the terminology associated with this subject matter.

Keywords: China, huaqiao, migration policy, Chinese diaspora, remigration, mentality, administrative units, economic reforms

About the author:

Polina E. Strukova – PhD, Associate Professor at School of Foreign Languages, Guangzhou Nanfang College. Wenquan dadao, 882, Conghua, Guangzhou, PRC, 510900.
E-mail: st-polina@yandex.ru, pstrukova@nfu.edu.cn

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Peterson G. 1988. The Overseas Chinese Areas of Rural Guangdong and Socialist Transformation, 1949–1956. *Modern China*. 14(3). P. 309–335.
- Wang C., Huang J. 2020. Desiring Homeland: The Return of Indonesian Chinese Women to Maoist China. *Asian and Pacific Migration Journal*. 29(2). P. 163–185. DOI: 10.1177/0117196820931314
- Yui C.L. 2022. Between Equality and Prejudice: Chinese Planning on the Postwar Status of the Chinese Diaspora, 1940–9. *Journal of Contemporary History*. 57(4). P. 975–996. DOI: 10.1177/00220094221107499
- Dong Z. 2017. *The History of the Huaqiao Nongchang in China* (in Seven Volumes: The Main Volume) [中国华侨农场史：全七册：注册]. Song Yanpeng (ed.). China Social Sciences Press. 387 p. (In Chinese).
- He Z. 2018. *The Rise and Fall of Overseas Chinese Farms in Lujiang: An Investigation Report on Hongxin Village, Overseas Chinese Affairs Management District, Qinglongchang Town, Yuanjiang County, Yuxi City, Yunnan Province* [陆疆华侨农场的兴衰：云南省玉溪市元江县青龙厂镇华侨事务管理区红新村调查报告] Social Science Literature Publishing House. 274 p. (In Chinese).
- Jia D. 2018. Analysis on the Reform of Management System of Domestic Overseas Chinese Farms [我国华侨农场管理体制改革的探析]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 104–113. (In Chinese).
- Kong J. 2012. The Construction Process of Local Relations Among Vietnamese Returned Overseas Chinese—Based on the Case Analysis of Guangdong Xiaoling Overseas Chinese Farm [越南归难侨的本土关系建构历程—基于广东小岭华侨农场的个案分析]. *Southern Population*. 1(27(109)). P. 42–48. (In Chinese).
- Lan Q. 2018. The Practice and Experience of Resettlement of Returned Overseas Chinese from Wuming Overseas Chinese Farm [从武鸣华侨农场看归侨安置的实践和经验]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. P. 79–85. (In Chinese).
- Li X. 2017. National Needs, Governance Logic and Performance — Research on Resettlement System of Refugees and Overseas Chinese Farm Policy [国家需要、治理逻辑与绩效——归难侨安置制度与华侨农场政策研究]. *Overseas Chinese Historical Research*. №1. P. 50–58. (In Chinese).
- Li Zh. 2017. Beibuwan Liguang Overseas Chinese Farm Transformation Development Planning Strategy [北部湾丽光华侨农场转型发展规划策略]. *Planning and Design*. №9. P. 70–76. (In Chinese).
- Liang H. 2006. Thoughts on Perfecting the Family Contract Responsibility System of Overseas Chinese Farms [对完善华侨农场家庭联产承包责任制的思考]. *Research and Discussion*. №2. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/129/56.shtml> (In Chinese).
- Long Y. 2018. Looking at the Resettlement Policy of Returned Refugees and Overseas Chinese from 1949 to 1979 from Cantonese Documents [从粤档文献看1949–1979年归难侨安置政策]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 70–78. (In Chinese).
- Ning H. 2018. A Brief Review of Overseas Chinese Farm Reform in the Past 20 Years [华侨农场改革20年简要回顾]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 11–26. (In Chinese).

Qiu Y. 2018a. Overseas Chinese and the Chinese Dream [华侨华人与中国梦] Hou Zh. at al. (ed.) *Overseas Chinese and the Development of Overseas Chinese Hometowns*. Social Science Literature Publishing House. P. 1–19. (In Chinese).

Qiu Y. 2018b. Speech at the Overseas Chinese Farm Reform and Development Work Conference of Overseas Chinese Affairs Offices in Seven Provinces (Preface) [在七省区侨办华侨农场改革发展工作会议上的讲话 (代序)]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 1–10. (In Chinese).

Sun J., Liu Y., Ge D. at al. 2022. Coordinated Mechanism of Land Comprehensive Consolidation and Rural Transformation and Development in Plain Farming Areas [平原农区土地综合整治与乡村转型发展协同机制]. *Geographical Journal*. 77(8). P. 1971–1986. DOI: 10.11821/dlxb202208009 (In Chinese).

Wang H. 2021. *Systematization and Research of Overseas Chinese Documents of the Late Qing Dynasty* [晚清民国华侨文献整理与研究]. Guangdong People's Publishing House. 503 p. (In Chinese).

Wang Y. 2018. Overseas Chinese Wuyi Farm During the Cultural Revolution Based on Archives [从档案看“文革”期间的武夷华侨农场]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 86–103. (In Chinese).

Xu J., Jiang Z. (ed.). 2018. *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System* [改革与融入：中国华侨农场体制研究论文集]. Xiamen University Press. 313 p. (In Chinese).

Yang Y., Fu H., Zheng Sh. et al. 2018. Exploration on the Basic Thoughts of System Reform of State-owned Overseas Chinese Farms in Guangdong Province [广东省国有华侨农场体制改革基本思路探索]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 114–123. (In Chinese).

Yi Q. 2013. Overseas Chinese Farm Bid Farewell to the Old System in 2015 [华侨农场2015年告别旧制]. *Modern Construction (Modern Property New Construction)*. 12(7). 18 p. (In Chinese).

Zhang J. 2010. Analysis on the Social Transformation of Overseas Chinese Farms – Taking Quanzhou Shuangyang Overseas Chinese Farms as the Object [华侨农场社会化转型探析 – 以泉州双阳华侨农场为对象]. *Journal of Huaqiao University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. №3. P. 42–48. (In Chinese).

Zhang Y. 2018. Study on Overseas Chinese Resettlement Policy [华侨安置政策研究]. Xu J., Jiang Z. (ed.). *Reform and Integration: A Collection of Research Papers on China's Huaqiao Nongchang System*. Xiamen University Press. P. 31–56. (In Chinese).

Abylkalikov S.I., Vinnik M.V. 2012. Jekonomicheskie teorii migracii: rabochaja sila i rynok truda [Economic Theories of Migration: Labor Force and Labor Market]. *Business. Society. Power*. №12. P. 1–19. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2015. Zarubezhnye kitajcy i ree'migranty v e'konomicheskom razvitii «cyao-syan» (maloj rodiny): na primere provincij Guandun i Fuczyan' [Overseas Chinese and Remigrants in the Economic Development of "Qiaoxiang" (Small Motherland): on the Example of the Provinces of Guangdong and Fujian]. Ostrovskij A.V. (ed.) *China: Regional Economy*. Moscow. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. P. 129–144. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2020. Formirovanie politiki KNR v otnoshenii kitajskoj diasporы do perioda reform i otkrytosti (1949–1976 gg.) [Formation of PRC Policy Towards the Chinese Diaspora Before the Period of Reform and Opening up (1949–1976)]. *Problems of the Far East*. №6. P. 25–40. (In Russian).

Afonas'eva A.V. 2022. *Diasporal'naya politika KNR: social'no-e'konomicheskoe napravlenie: monografiya* [Diaspora Policy of China: Socio-Economic Direction: Monograph]. Moscow. IFES RAS. 336 p. (In Russian).

Savoskul M.S. 2015. Obzor teorij mezhdunarodnoj migracii naselenija vtoroj poloviny XX v. [Theory of International Migration in the Second Half of the 20th Century]. *Regional studies*. 4(50). P. 56–65. (In Russian).

Sukhomlinova V.V. 2022. Novyj «moment» dlja kitajskoj diasporы? [A New Chinese “Diaspora Moment”?] *MGIMO Review of International Relations*. 15(1). P. 209–217. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217 (In Russian).

Vasilenko P.V. 2013. Zarubezhnye teorii migracii naselenija [Foreign Human Migration Theories]. *Pskov Regional Journal*. №16. P. 36–42. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Абылкаликов С.И., Винник М.В. 2012. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда. *Бизнес. Общество. Власть*. №12. С. 1–19.

Афонасьева А.В. 2015. Зарубежные китайцы и реэмигранты в экономическом развитии «цяосян» (малой родины): на примере провинций Гуандун и Фуцзянь. Островский А.В. (ред.) *КНР: экономика регионов*. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. С. 129–144.

Афонасьева А.В. 2020. Формирование политики КНР в отношении китайской диаспоры до периода реформ и открытости (1949–1976 гг.). *Проблемы Дальнего Востока*. №6. С. 25–40.

Афонасьева А.В. 2022. *Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление: монография*. Москва: ИДВ РАН. 336 с.

Василенко П.В. 2013. Зарубежные теории миграции населения. *Псковский регионалогический журнал*. №16. С. 36–42.

Савоскул М.С. 2015. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. *Региональные исследования*. 4(50). С. 56–65.

Сухомлинова В.В. 2022. Новый «момент» для китайской диаспоры? *Вестник МГИМО-Университета*. 15(1). С. 209–217. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217.